

С.В.Шешунова
(Московский госуниверситет
имени М.В.Ломоносова)

О СМЫСЛЕ ЭПИГРАФА К "ПОВЕСТЯМ БЕЛКИНА"

Зачем все высказывать и на все напирать, когда имеем дело с людьми понятия деятельного и острого? А о людях понятия ленивого, тупого и думать нечего.

П.А.Вяземский¹

Как известно, Пушкин придавал особое значение эпиграфам к своим произведениям. Свидетельство тому – его письмо к Вяземскому от 14 октября 1823 г.: "Бахчисарайский Фонтан", между нами говоря, дрянь, но эпиграф его прелесть" (XIII, 70)². Через семь лет, в болдинской заметке "Опровержение на критики", Пушкин в смягченном варианте повторяет ту же мысль: "Бахчисарайский Фонтан" в рукописи был назван Гаремом, но меланхолический эпиграф (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня" (XI, 159).

Особым очарованием обладали эпиграфы и для Вяземского, писавшего И.И.Дмитриеву 17 июня 1830 г. о поэте М.Д.Деларю: "Спросите у него собрание эпиграфов ко всем русским журналам, присланным из комедии "Горе от ума". Есть между ними довольно забавные, и этот документ годится в нашу литературную кунсткамеру"³. Представляется важным, что об этом говорит один из ближайших единомышленников Пушкина, его соратник по "Литературной газете" – совсем незадолго перед Болдином.

Сказанное наводит на мысль, что эпиграф к "Повестям Белкина" был для Пушкина весьма значимым. Некоторые исследователи справедливо усматривали в нем ключ к постижению авторского замысла, хотя все известные нам суждения на этот счет сводятся к беглым замечаниям. Так, по мнению чешского ученого, цитата из "Педоросля" указывает на доминанту цикла – тему повествования⁴. А.Г.Гукасова, восстанавливая фонвизинский контекст (Скотинин и Простакова вкладывают в слово "история" иной смысл, чем герои-резонеры), проводит параллель между ситуацией двуязычия, возникшей в комедии, и разногласий тканью повествования. "Повестей Белкина", также запечатлевших различные уровни сознания, несхожие представления⁵.

По словам Н.Я.Берковского, эпиграф подчеркивает параллель "Митрофанушка – Белкин" (напомним, что впервые на нее указал В.О.Ключевский⁶): подставной автор – "новейший Митрофан, охотник до историй в новом вкусе – романтическом"⁷. Перечень интерпретаций можно было бы продолжить.

Однако функции эпиграфа к "Повестям Белкина" остаются непроясненными. Как известно, любой эпиграф определенным образом организует читательское восприятие основного текста, направляет его в нужную автору сторону. На какой же ла. стремился Пушкин настроить современного ему читателя с помощью эпиграфа? Как воздействует (или может воздействовать) на восприятие цикла отсылка к "Недорослю"?

Нам представляется, что эпиграф к "Повестям Белкина" неразрывно связан с ситуацией литературной жизни 1830 г. В пору болдинской осени обращение, во-первых, к имени Фонвизина, во-вторых, к "Недорослю" и, в-третьих, к "историям", до которых был охотник Митрофан, имело для Пушкина насущный и актуальный смысл. На восприятие эпиграфа современниками накладывался (во всяком случае мог накладываться) ряд злободневных фактов. Подобно столь распространенному в литературе начала XIX в. элементу, как авторские примечания (которым Пушкин также многократно отдал дань), эпиграф являлся связующим звеном между той литературной, общественной, светски-бытовой "атмосферой, в какой рождалось сочинение (а также биографией автора как частью этой атмосферы), и его текстом"⁸.

Мы полагаем, что эпиграф к повестям ориентирует читателя на восприятие как юмористического пласта цикла, так и его серьезной, общественно значимой проблематики. Прежде всего, это шутка: свои артистично исполненные повести Пушкин игриво уподобляет "историям", которые ценили и любили Простаковы и Скотинин (недаром в эпиграф включена реплика последнего: "Митрофан по мне"!). Добившись в болдинском цикле небывалого в русской прозе стилистического мастерства, автор вместе с тем делает вид, что удовлетворяет неприхотливые запросы фонвизинских героев. Заявка на прстоватый вкус в эпиграфе и утонченное изящество текста комически не соответствуют друг другу.

При этом посредством эпиграфа Пушкин пародоксальным образом сближает с фонвизинским недорослем не только наивного Белкина, над которым посмеивается, но и самого себя. Ведь писатель из Горюхина, шутивно отождествленный с Митрофаном, -

всем очевидная фикция, и "охотником к историям" тем самым объявлен не только подставной, но и подлинный автор. С учетом эпиграфа знаменитое суждение Аполлона Григорьева о том, что Пушкин "умалил себя... до образа Ивана Петровича Белкина"⁹, подразумевает продолжение: ... и до образа Митрофана Простакова.

В подобном шутовском маскараде угадываются традиции Арзамаса, где была в чести буффонада, а уважаемые члены нередко получали клички вроде "Брюха", "Чу", "Дымной печурки" или "Почетного гуся" (напомним, что и героическое прозвище Батюшкова "Ахилл" расшифровывалось "Ах, хил!"). Маска Митрофанушки – еще одно свидетельство верности Пушкина арзамасскому братству, о котором писалось неоднократно¹⁰.

Подобное шутовское самоуничижение в контексте зрелого творчества Пушкина видится далеко не случайным. Это – факт того же ряда, что и настойчивый рефрен "Моей родословной" ("Я мещанин, я мещанин"), и шутовское именование свбя "недостойным Алексахой Пушкиным" в пародийном названии "Бориса Годунова" (УП, 290), и полукомические образы автора и его Музы в "Домике в Коломне". Серьезная духовная заявка то и дело обретает у Пушкина форму игры, маскарада, причем маска избирается заведомо сниженная. Вспомним более ранние слова автора "Бориса Годунова" о себе: "никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого" (ХШ, 240). Нечто среднее колпаку юродивого – имя Митрофана, встречающее читателя у входа в мир "Повестей Белкина": личиной смешного неуча маскируются глубокие мысли об истории и современности, на которые и наводит эпиграф.

Цитата из "Недоросля" – это своего рода сообщение автора читателю о том, что "Повести Белкина" соотносены им с проблематикой фонвизинского творчества. Предпринимая попытку уяснить этот пласт цикла, мы на время отстранимся от пушкинских текстов и сосредоточимся на том, как обсуждалось и наследовалось творчество Фонвизина на рубеже 1820–1830-х гг., как воспринималось оно Пушкиным и его окружением.

В.Э.Вацуру и М.И.Гилдельсон показали, что восприятие Пушкиным личности и творчества Фонвизина уходит корнями в его концепцию "века Екатерины", получившую к 1830 г. острый и особо актуальный смысл. В ходе ожесточенной полемики между антидворянской коалицией "Северная пчела" – "Московский телеграф" и литературной аристократией во главе с Пушкиным и

Вяземским "имя Фонвизина оказалось связанным с центральным вопросом пушкинских размышлений о русской общественной жизни – вопросом о просвещении"¹¹. Важнейшим моментом этой полемики стала книга Вяземского "Жизнеописание Фон-Визина", вызвавшая восхищение Пушкина и пародию Н.Полевого¹². Наиболее концептуальные отрывки из нее регулярно печатались в "Литературной газете" в первой половине 1830 г. Напомним их содержание.

"Недоросль" послужил Вяземскому отправной точкой для суждений о проблемах русской культуры, в первую очередь о ее отношении к Западу. В этом аспекте эпоха Фонвизина и Екатерины оценивалась Вяземским неоднозначно. С одной стороны, свойственное ей торопливое усвоение иноземных воззрений и обычаев породило "то просвещение, в котором обвиняют нас... иностранцы: насильственно-привитое, скороспелое и потому не надежное"¹³, иными словами, "полупросвещение". С другой стороны, воспитание "века минувшего" имеет перед современным то преимущество, что ребенок "долее был окружен русскою атмосферой", а "европейское образование, которое уже позднее довершало воспитание домашнее, исправляло предрассудки", не искореняя первых, самобытных впечатлений. Вопрос о национальной самостоятельности культуры Вяземский заостряет до афоризма: "Для того, чтобы быть европейцем, должно начать быть русским"¹⁴.

Не менее концептуальными были высказанные в "Жизнеописании Фон-Визина" мысли об отношении современников к национальному прошлому, об их исторической памяти: "Наша народная память незаботлива и неблагодарна. Поглощенная суетами и сплетнями нынешнего дня, она не имеет места в себе для преданий вчерашнего"¹⁵. По поводу этих слов Пушкин заметил на полях рукописи: "Прекрасно"; суждение Вяземского перекликается с его собственным сожалением об отсутствии у народа "гордости воспоминаний": "Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ!" ("Роман в письмах").

Первыми признаками просвещения для Пушкина, как известно, были "уважение к минувшему", "национальное, историческое и политическое самосознание"; его непременным условием – органическое, а не внешнее усвоение инонациональных культурных ценностей при сохранении самобытности¹⁶. Пушкин и Вяземский солидарны в неприятии русского "полупросвещения", поверхностного европеизма, исключаящего "самостоянье" и унаследованного современностью от фонвизинской эпохи. Вместе с тем "век Ека-

тернии¹⁶ привлекает их самим стремлением к просвещению, пусть и оставшимся недоволощенным. Напомним, что Пушкин поставил на полях "Прекрасно" там, где Вяземский писал об уважении Екатерины к уму, о том, что "успехи образованности и просвещения были целью ее особенной заботливости"¹⁷.

Как видно, на глазах Пушкина и при его участии "Литературная газета" настойчиво ставит проблемы образования и просвещения, обращаясь при этом к Фонвизину. Один из фактов такого рода – публикация "Разговора у княгини Халдиной", на которую Пушкин в этом же году откликнулся специальной статьей. Герой этой пьесы Сорванцов – недоучка, осознавший свое невежество и жадный (при варварском образе жизни) до книг – стоит на полпути от Митрофанушки к Белкину.

О Фонвизине напоминает еще одна предболдинская публикация "Литературной газеты" – анонимная повесть "Жизнь Петра Ивановича Танилова". В предваряющем ее предисловии "От издателя" сообщается, что предлагаемая рукопись "любопытна по изображению нравов и образа жизни провинциальных дворян и простого народа во время царствования Екатерины II", а сама повесть начинается с размышлений о том, как все изменилось "в нравах наших от Простаковых до Бригадирских сынков"¹⁸. В сущности, это декларация творческой программы, осуществленной Пушкиным в "Повестях Белкина" (естественно, при замене екатерининской эпохи на александровскую).

Мысль о Фонвизине как образцовом писателе, который запечатлел своеобразие своей эпохи с позиций просвещенного человека, стоящего "с веком наравне", составляла, как видно, лейтмотив публикаций "Литературной газеты" первой половины 1830 г. Как мастер сатирического нравоописания, автор "Недоросля" в глазах пушкинского круга был ангиподом Булгарина, чей "Иван Выжигин" притязал на лучшее изображение современной России. Исследователи справедливо видят иронический намек на продукцию Булгарина в восклицании "Литературной газеты": "... пожалеешь невольню, что не Фон-Визину досталось изображать новейшие наши нравы"¹⁹. Этот намек имел особый смысл, так как в дальнейшем "Литературная газета" повела последовательное наступление на художественные и идейные устои монополизированного Булгариним жанра, противопоставляя им произведение Фонвизина²⁰.

Таким образом, для пушкинского круга литераторов Фонвизин был своего рода ориентиром и образцом при решении современ-

ных художественных задач, связанных с защитой и укреплением русского просвещения. К этим задачам причастна и проблематика "Повестей Белкина". В своем цикле Пушкин изобразил тот же социальный мир, что и Фонвизин в "Недоросле", но на иной ступени эволюции. Сопоставление повестей с прославленной комедией, которое провоцирует эпиграф, убедительно свидетельствует, насколько изменились нравы русской провинции за полстолетия²¹.

Параллель "Митрофан – Белкин", подмеченная В.О.Ключевским, верна лишь отчасти: Белкин интересен Пушкину (а Митрофан – Фонвизину) как молодой провинциал, далекий от столичной образованности. Однако при равном социальном статусе и условиях воспитания психологический и духовный облик этих персонажей глубоко различен. Соответственно различны и точки зрения на них (как и на их среду) обоих классиков.

Мир "Повестей Белкина", окрашенный личностью подставного автора, насыщен общением, отмечен живым юмором, утверждением человеческих ценностей. В отличие от помещиков "Недоросля" персонажи пушкинского цикла (включая самого Белкина) дружелюбны к окружающим, их интерес к чужой жизни бескорыстен. Беспросветного "злонравия" здесь не найти.

В повестях нет и абсолютной антитезы "просвещение – непросвещенность", на которой держится сюжет фонвизинской комедии. Белкинский мир, наивный и ограниченный, удален (географически и культурно) от очагов европейской образованности ("полупросвещен") и вместе с тем причастен к новейшим веяниям. Многие из героев историй – рассказы, сам Белкин – предстают любителями чтения (особенно современных романов), а тем самым – людьми, познавшими сладость просвещения.

Судьбы персонажей, обретающих первый опыт "самостоянья", разворачиваются на фоне устойчивого жизненного уклада, который также изображается Пушкиным без фонвизинского гротеска, с любовью и симпатией. В этом аспекте "Повести Белкина" предваряют "Капитанскую дочку", где уклад жизни провинциального дворянства не противопоставлен, как это было у Фонвизина, вершинам дворянской культуры и их порождениям – чувствам долга, чести и собственного достоинства, а причастен им и ни в коей мере не является предметом сатиры²². А.М.Гуревич справедливо усмотрел в "Повестях Белкина" взаимосвязь теплых, дружеских отношений, прочных семейных уз с "патриархальным" укладом жизни, унаследованным от XVIII в.²³. Родители юных героев цикла – своего рода "старинные люди" (даже в

англоманстве Муромского есть нечто от чудачеств екатерининского вельможи). Дети, вырастая в "старинной" домашней обстановке, приобщаются тем самым к неким культурным традициям (прежде всего нравственно-бытовым), связующим пушкинскую эпоху с прошлым веком. Таким образом, изображая жизнь современников как человечески подлинную и привлекательную, Пушкин одновременно реабилитирует тот самый уклад, который послужил Фонвизину предметом сатиры, разумеется, без тени идеализации и панегирического восхваления. По мысли автора, воплощенной в цикле, усадебная жизнь достойна не осмеяния и не апологии, но сочувственного внимания и доброжелательной улыбки.

Заметим, что в "Повестях Белкина" провинциальный уклад освещается не только иначе, чем в "Недоросле", но и иначе, чем в усадебных главах "Евгения Онегина", где Татьяна и Ленский представляли одинокими среди скучных и необразованных соседей. В цикле 1830 г., в отличие от романа в стихах, "Скотининых чета седая" немислима; Белкин лишь уподоблен фонвизинскому герою, но не равен ему. По-видимому, не только изображенная Пушкиным жизнь эволюционировала от уровня, запечатленного Фонвизиним, но и взгляд на нее самого автора с годами менялся, все более удаляясь от сатиры в сторону мягкого и доброжелательного юмора.

Как видно, "Повести Белкина" – не только современный аналог "Недоросля" (взгляд на провинциальные нравы глазами просвещенного человека), но и его своеобразная корректировка. Пушкин отказывается от морализирования, риторики, от антитез "положительный-отрицательный" и "просвещенный-невежественный", без которых не представляема классицистическая комедия.

Таким образом, болдинские повести – не только наследование традиций Фонвизина, но и своеобразная полемика с ним. И здесь Пушкин вновь солидарен с Вяземским, находившим в "Недоросле" не живую картину нравов, а истины "отвлеченные"²⁴ и жалевшим о том, что "повествователи наши мало заботятся о занимательности, разнообразии, живой веселости творений своих"²⁵. Создавая "Повести Белкина" в духе суждений Вяземского, отталкиваясь от рационалистичности и дидактизма, стремясь к живости и увлекательности, автор по-своему перестраивал унаследованный им фонвизинский мир.

При этом и недруги Пушкина и Вяземского на рубеже 1820-1830-х гг. стремились взять на вооружение Фонвизина, достроить его художественный мир на свой лад и переосмыслить в

своих собственных целях. Свидетельство тому – вышедшая в 1830 г. повесть А.А.Орлова "Неколебимая дружба чухломских жителей Кручинина и Скудоумова, или Митрофанушка в потомстве", на которую Вяземский откликнулся отрицательной рецензией в № 21 "Литературной газеты". О том, что творчество Орлова вызывало не менее резкое неприятие у Пушкина, говорит его статья за подписью Феофилакт Косичкин "Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов". Представляется, что и "Повести Белкина", как бы предваряя эту заметку 1831 г., воплотили стремление Пушкина противостоять воззрениям и художественным принципам этого автора.

"Неколебимая дружба..." повествует о происшествиях (большая часть комических) в жизни нескольких помещиков-провинциалов, в том числе Митрофана Простакова (взявшего фамилию жены – Скотова). События в доме Митрофана происходят в ту же "достопамятную эпоху", что и истории, записанные Белкиным (во время войны 1812 г. и вскоре после нее), в той же среде (в основном – мелкопоместное дворянство) и тех же местах (глухая провинция и Москва). Таким образом, фонвизинские герои предстают пушкинскими современниками (по заверениям автора, Простаковы и Скотовы плодятся все более и во всех состояниях²⁶), своего рода соседями И.П.Белкина: Пушкина и Орлова интересует одна и та же среда, но смысл созданных ими картин провинциальных нравов полярен.

В повести Орлова – литератора, близкого Булгарину, – Пушкина отталкивали не только художественная слабость, морализирование и натурализм, но и про-официальная позиция в вопросах просвещения и культуры. "Неколебимая дружба..." представляет собой апологию косного провинциализма, враждебного столичной образованности. Автор не скрывает своей симпатии к людям ограниченным, с примитивной душевной организацией, самодовольных в своем невежестве. По сути дела, повесть направлена против европейского просвещения и его защитников, в первую очередь против "литературной аристократии", пушкинского круга писателей, отстаивавших достижения дворянской культуры.

Столичные нравы, влечение к новейшей литературе и современным веяниям Орловым обличаются и осмеиваются. Осуждая изысканные манеры и европейскую образованность, автор не скупится на панегирики провинциалкам, ибо "простосердечие и невинность деревенская пленительны, а кокетство Москвитянок со всеми утонченностями, со всеми своими танцами производит од-

но минутное впечатление". Москвички же, в особенности знающие французский, по его словам, достойны того, "чтоб ни один благомыслящий человек, желающий семейного счастья, не брал из них себе жены"²⁷. Воплощением столь пленительного для автора "деревенского прстосердечия" предстает в повести любовное письмо одной из провинциалок, вызванное кратковременной отлучкой адресата: "Ты хочешь моей смерти, а потому знай, что Пошехонка Улита, деревенская воспитанница, не зная Московского кокетства, не переживет своего бесчестия и умирая скажет: я принадлежала одному Кандидату"²⁸.

Против подобной апологии примитивного провинциализма, против спесивых нападок на столичный европеизм и восстает Пушкин в "Повестях Белкина". Знаменитое рассуждение о самобытности провинциалок в "Барышне-крестьянке" подано иронически и представляется полемичным по отношению к "Неколебимой дружбе...". Применение к уездным барышням (как они ни очаровательны) слов Жан-Поля о человеческом величии лишено здравого смысла. Комично и обоснование их самобытности: они "знание света и жизни почерпывают из книжек" (т.е. не знают ни жизни, ни света). Это "лирическое отступление" правомерно объяснить наивностью подставного автора, чьи возвышенные рассуждения комически поданы как в иных повестях цикла ("Метель", "Трбовщик", "Станционный смотритель")²⁹, так и в "Истории села Горюхина".

Героини "Повестей Белкина", проживающие вне столиц, забавным образом ослвергают белкинское рассуждение об их чуждости светским манерам и новейшим веяниям. Лиза Муромская с ее остроумием и французскими фразами – прямой антипод косноязычных и до дикости наивных орловских пошехонок. Она сродни скорее кокетливым Москвитянкам, ненавистным автору "Неколебимой дружбы...". Под категорию "самобытных барышень" не подходят ни Марья Гавриловна, воспитанная на французских романах и мгновенно узнающая в признании Бурмина цитату из Руссо, ни Дуня – "маленькая кокетка", знающая цену своей красоте. Даже в горничной Насте, бойкой и ветреной, довольной чинным обедом с "бланманже синим, красным и полосатым", больше светскости, чем в провинциалках-дворянках Орлова.

По-видимому, фонвизинский эпиграф указывает на полемическую связь пушкинского цикла с "Неколебимой дружбой..."; автор шутит над примитивной и рассудочной апологией провинци-

альной "простоты", что просматривается в мотиве увлечения героев книгами, романами, занимательными историями. В "Повестях Белкина" иронически перелицованы моменты "Неколебимой дружбы...", повествующие о воспитании детей Митрофана. Студент-учитель, скомпрометировавший себя в глазах Скотовых неуважением к сказкам, которые "не суть исторические повествования", и лучше потому их не знать, спешно заменен французом, который "так набил головы детей романами, что они в разговорах стали мешать высокопарные романтические слова"³⁰ и действовать согласно описаниям книжных героев. Так же ведет себя и Скотов. Один лишь Митрофан, "с трудом могший разбирать грамоту, не мог читать романов... и потому оставался тем, чем был, то есть добродушным и простым человеком"³¹.

По воле автора повести фонвизинский Митрофанушка выступает носителем разума и здравого смысла. Книжные же увлечения и просветительские веяния оказываются предметом осмеяния. Ситуации, к которым приводит семью Митрофана подражание романтическим героям, неизменно комичны. Так, сын Скотовых Фадей, влюбившись в горничную Софью и решив на ней жениться, "следуя в точности рыцарям романтическим, становился перед ней на колена, говорил ей с восклицаниями долгопротяжные речи, вытверженные из романов"³², которых она, естественно, не понимала. А мать Фадея, обратившись за советом к тем же романам, затем громогласно прокляла сына за эту позорную склонность.

Герои "Повестей Белкина", как известно, также увлекаются новейшей литературой и склонны вести себя по романтическому образцу. Останавливаться на этом аспекте цикла, многократно подчеркнутом литературоведами, излишне. Нас интересует сейчас пушкинское отношение к изображенному явлению. Оно представляется неоднозначным. С одной стороны, книжные фразы и позы, забавным образом не подходящие к истинному лицу и положению персонажей, выступают в "Повестях Белкина" знаками "полупросвещения", а тем самым – предметом пушкинской иронии. В них не более истинного европеизма, чем в "европейском наряде" дочерей гробовщика, включавшем, как известно, "желтые шляпки и красные башмаки". Не обладая развитым самосознанием, мир белкинских героев, по словам М.В.Яковлевой, обнаруживает "неплотворность для русской жизни и русских характеров романтических форм чувствования и поведения"³³.

С другой стороны, суждение о том, что "Повести Белкина" –

“сплошное срывание масок не только с зачитывавшихся в то время романов, но и с тех, кто ими зачитывался”³⁴, представляется неоправданно резким. “Полупросвященные” пушкинские герои, при всех их смешных сторонах, в глазах автора явно выигрывают на фоне тех помещиков, меж которыми, как сказано в “Романе в письмах”, “процветают еще Простаковы и Скотинины”. Несомненно, что Алексей Берестов, заимствовавший из романов не только разговоры об увядшей юности, но и благородную “мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами”, ближе к пушкинскому идеалу, чем его отец, принуждающий сына жениться по расчету и уподобленный Тарасу Скотинину (эта единственная фонвизинская реминисценция в тексте “Повестей Белкина” представляется весьма существенной). Как показал В.С.Листов, шуточное разрешение конфликта в “Барышне-крестьянке” не снимает поэзии и значимости для Пушкина мотива единения с крестьянским миром³⁵. Сочувственно-юмористическое изображение “романтического” поведения в “Повестях Белкина” контрастно по отношению к сатире в “Неколебимой дружбе...”: отношение Пушкина к его героям в основе своей доброжелательно. Напомним, что идеальной в глазах поэта Татьяна Ларина, “воображаясь героиней Своих возлюбленных творцов, Клариссой, Юлией, Дельфиной” и не умея писать по-русски, остается тем не менее “русской душою” и верной “простонародной старине”. По мысли Пушкина, национальная самобытность, отвергаемая “полупросвещением”, прекрасно согласуется с представлениями о долге, чести и достоинстве личности, лежащими в основе подлинного европейзма.

Сказанное побуждает заключить, что в трактовке современных провинциальных нравов Пушкин отвергает орловскую апологию невежественного Митрофанушки. Комиам русского “полупросвещения” в глазах автора “Повестей Белкина” не отменяет ни ценностей личностной культуры, ни необходимости стремления к просвещению, ни привлекательности героев, приобщающихся к европейской образованности и обретающих первый опыт “самостоянья”.

И наконец, с эпиграфом к циклу напрямую связан один из эпизодов повести Орлова. “Съемальства к историям охотником” предстает в “Неколебимой дружбе...” сын Митрофана Простакова Вася. “Ты с книгой и спишь”, – говорит о нем мать; “Когда он примется рассказывать истории, так заслушаешься”³⁶. Таким образом, эпиграф пушкинского цикла адресует читателя к героям не только Фонвизина, но и Орлова, что свидетельствует

о его литературно-полемической направленности.

Завершая разговор о выбранном Пушкиным эпиграфе, подчеркнем его полифункциональность. Заявляя о причастности цикла к литературной ситуации 1830 г., он, во-первых, напоминает читателю о ключевых проблемах культуры и общественной жизни, впервые поставленных Фонвизинской комедией и продолжавших волновать пушкинских современников, во-вторых, защищает лагерь "Литературной газеты" от болгаринской коалиции и при этом подчеркивает эзотерический пласт цикла, обращенный к тесному кругу друзей и единомышленников, прежде всего к Вяземскому.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М., 1974. Т. II. С. 153.
- 2 Пушкинские тексты (с указанием тома и страниц) даются по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., 1937-1949.
- 3 Русский архив. 1868. № 4-5. С. 610.
- 4 См.: Дрозда Мирослав. Нарративные маски в "Повестях Белкина" // Wiener Slawistischer Almanach. 1981. Band 8. S. 262.
- 5 См.: Гукасова А.Г. Болдинский период в творчестве А.С.Пушкина. М.; Л., 1973. С. 206.
- 6 См.: Ключевский В.О. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 года, в день открытия памятника Пушкину // Ключевский В.О. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1959. Т. 7. С. 152.
- 7 Берковский Н.Я. О "Повестях Белкина" // Берковский Н.Я. О русской литературе. М., 1985. С. 110.
- 8 Мильчина В. Поэтика примечаний // Вопросы литературы. 1978. № 11.
- 9 Григорьев А.А. Пушкин. - Грибоедов. - Гоголь. - Лермонтов // Григорьев А.А. Искусство и нравственность. М., 1986. С. 91.
- 10 См.: Гиллельсон М.И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974; он же. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977.
- 11 Вацура В.Э., Гиллельсон М.И. Пушкин и книга Вяземского о Фонвизине // Ново-найденный автограф Пушкина. М.; Л., 1968. С. 96.
- 12 Там же. С. 61-63.

- 13 Литературная газета. 1830. № 2.
- 14 Литературная газета. 1830. № 19
- 15 Литературная газета. 1830. № 3.
- 16 Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Указ. соч. С. 77.
- 17 Ново-найденный автограф Пушкина. С. 13.
- 18 Литературная газета. 1830. № 38.
- 19 Литературная газета. 1830. № 7.
- 20 См.: Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Указ. соч. С. 61.
- 21 Об изображении динамики исторической жизни как важнейшей черте цикла см.: Яковлева М.В. Эпическое сознание Пушкина в "Повестях Белкина" // Проблемы метода и жанра. Томск, 1983. Вып. 9, 10.
- 22 Лотман Ю.М. Идеиная структура "Капитанской дочки" // Пушкинский сборник. Псков, 1962. С. 6.
- 23 См.: Гуревич А.М. Тема маленького человека у Пушкина и ее романтический подтекст // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 5.
- 24 Литературная газета. 1830. № 3.
- 25 Литературная газета. 1830. № 40.
- 26 Орлов А. Неколебимая дружба чухломских жителей Кручинина и Скудоумова, или Митрофанушка в потомстве: Московская повесть в 3-х частях. М., 1830. Ч. 1. С. 30; Ч. 3. С. 133.
- 27 Там же. Ч. 2. С. 23-24.
- 28 Там же. Ч. 3. С. 127.
- 29 См.: Хализев В.Е., Шешунова С.В. Литературные reminiscenции в "Повестях Белкина" // Болдинские чтения. Горький, 1985.
- 30 Орлов А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 58.
- 31 Там же. С. 62.
- 32 Там же. С. 60-61.
- 33 Яковлева М.В. Указ. соч. Вып. 10. С. 122.
- 34 Боцяновский В.Ф. К характеристике работы Пушкина над новым романом // *Scrtum bibliologicum* в честь профессора А.И.Малеича. Пг., 1922. С. 87.
- 35 См.: Листов В.С. Один мотив из болдинского "Отрывка" А.С.Пушкина "Не смотря на великие преимущества..." // Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 117-118.
- 36 Орлов А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 45.

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР

Калининский государственный университет

А.С.ПУШКИН. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

Межвузовский тематический
сборник научных трудов

Калинин 1987